

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

МУЗЕЙ ИСТОРИИ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ
УЗБЕКИСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ · 1963

Ю. ПУЛАТОВ, А. МИРХАЛИКОВ

К ИСТОРИИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

(из оружейных коллекций Музея)

Огнестрельное оружие впервые в Средней Азии стало применяться в армии Тимура и тимуридов (XIV—XV вв.).

Приход к власти Тимура ознаменовался большими переменами в области военного дела. Тимуру приходилось осаждать многие города. Естественно, что он не мог не обратить внимания на огнестрельное оружие, о котором до него должны были дойти слухи. Сведения о применении огнестрельного оружия тимуридскими войсками впервые встречаются в малоизученной хронике XV в. Натанзи, повествующей об осаде Тимуром Хорезма в 1379 г. Здесь сообщается следующее: «После долгих приготовлений начали воздвигать манджанаки и аррода и устанавливать и прилаживать раъд и карабурга»¹.

Из этого сообщения характерен приведенный термин раъд, что по-арабски означает «гром». До этого времени к оружию такой термин не применялся. Появление его можно объяснить лишь впечатлением, произведенным именно огнестрельным оружием. При тимуридах раъд применялся во время похода Шахруха в 1446 г. против царевича Султана Мухаммеда. Историк Мирхонд рассказывает: «Однажды его величество (Шахрух) отправился верхом на осмотр комони-раъда, который был изготовлен Фарруком-литейщиком (рехтагар) и который выбрасывал камень весом в 400 менов. Происходило это в местности Базигохи»².

Раъд также применялся во второй половине XV в., главным образом во время правления султана Хусейна (1470—1506 гг.). Вышеприведенные сообщения не оставляют сомнения в том, что раъд или комони-раъд были огнестрельными орудиями, снарядами для которых служили каменные

¹ А. М. Беленицкий, О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV—XV вв., «Известия таджикского филиала АН СССР», 1949, № 15.

² А. М. Беленицкий, указ. соч.

ядра. Хотя орудия применялись главным образом при осадах крепостей, они предназначались также и для поражения живой силы противника.

В XVI в., как рассказывает Бабур, рэд применялся при походе султана Хусейна против владельца Хисара (нынешний Таджикистан). Бабур описывает осаду этой крепости таким образом: «Ни днем, ни ночью не приостанавливались подкопные работы, метание (удары) камней и действия казанов»³.

Первые сообщения о технике изготовления орудий мы находим у Бабура. В 1526—1527 гг. приказ об изготовлении большого казана был отдан мастеру Али-Кули. Сам Бабур присутствовал во время его отливки. Вот что он пишет: «Когда печи и все необходимые приспособления были готовы, он (Али-Кули) послал за мной. В понедельник 15 мухаррема мы отправились для наблюдения за ходом отливки. Вокруг форм (калыб) казана было сложено восемь печей, в которых находился расплавленный металл. От каждого из горнов к форме казана были отведены каналы. Когда мы прибыли, он открыл выходные отверстия. Расплавленный металл, точно вода, устремился по всем каналам к форме. Через некоторое время, до того как вся форма оказалась заполненной, металл перестал течь по каналам. Не то в горнах, не то в самом металле оказался какой-то изъян. Мастер Али-Кули настолько был этим расстроен, что готов был броситься в форму с расплавленной медью. Однако я его успокоил и пожаловал ему халат, чтобы он забыл неудачу. После этого мы отправились назад. Через несколько дней после того, как форма остыла, ее открыли. Мастер Али-Кули с большой радостью приспал сказать, что ствол (таш уй) получился без изъяна, а изготовить камеру для пороха (дорухона) будет легко. После этого извлекли (из формы) ствол и назначили людей для его отделки. Сам же Али-Кули занялся отливкой камеры для пороха. Когда камера была полностью готова, то был сделан пробный выстрел, причем камень пролетел 1600 шагов»⁴.

Благодаря этому рассказу Бабура мы с достаточной определенностью можем говорить о конструкции казана, основной особенностью которого являлось наличие отдельной от ствола камеры для порохового заряда. Не совсем ясно, являлась ли эта камера вставной или прикладной. Само название орудия «котел» говорит о том, что оно

³ А. М. Беленицкий, указ. соч.; казан — название артиллерийского оружия.

⁴ А. М. Беленицкий, указ. соч., стр. 27.

являлось орудием типа мортиры, видимо, аналогичной тем европейским орудиям, которые назывались бомбардами. Эти казаны в большинстве случаев применялись при осаде крепостей и давали в день от 8 до 16 выстрелов.

Помимо казанов, в войске Бабура применялись и другие виды огнестрельного оружия. К ним относятся туфан и туфанг, туп, зарбзан и фиринги, а также раъд. Стрелки из туфангов и раъд в бою находились в первом ряду. Главными помощниками Бабура в производстве огнестрельного оружия были мастера Али-Кули-хорезмиец и Мустафа. Основным артиллерийским орудием во второй половине XVI в. оставался казан. Доставка орудия на место боя была делом очень трудным, поэтому их изготавливали на месте, у осаждаемой крепости. Подробно об этом пишет в книге «Абдулла-намэ» Хафиза Тониши.

Во время осады в 1585 г. Абдуллаханом г. Герата было изготовлено 7 котлов, местом их отливки был выбран двор знаменитого медресе Гаухар-шад, находящегося в непосредственной близости к крепости. Котлы перевозились посредством цепей, следовательно, орудие еще не имело колесного лафета. В качестве снаряда служили каменные ядра. Котлы устанавливались в наиболее ответственных пунктах линии осады — против цитадели, башен, ворот, причем, помимо непосредственно обслуживающего орудие расчета, назначались военачальники для его охраны.

Из других видов огнестрельного оружия при осаде употреблялся зарбзан, стрелявший каменными ядрами. Он был меньшим по величине, чем казан, и более скорострельным оружием.

Во второй половине XVI в. в войсках среднеазиатских правителей наибольшее применение находит орудие под названием туп, которое наравне с замбуряком стало в последующие века основным видом артиллерийского оружия.

В Средней Азии в XVI в. производились все виды огнестрельного оружия. Здесь жили такие знаменитые литейщики, как Усто Рухи, Мир (или Миран) тупбashi, Мир Касым-рехтагар, Ходжа Курбан и другие.

В XVIII—XIX вв. в Кокандском и Бухарском ханствах оружейное дело достигло весьма высокого уровня. В 1795 г. чиновник горного ведомства России Т. С. Бурнашев, посетивший Бухару, писал, что «бухарцы сами льют из меди пушки и из чугунной ломи пушечные ядра. Из выплавляемого же ими свинца делают ружейные пули. Свинцовые руды находятся близ Бухары, которые плавят они в небольших горнах без всякого искусства и с большой потерей металла, а также

производят и литье... снарядов. Они сами делают и порох, но слабее российского»⁵.

По преданию, первую пушку в Ташкенте отлили в 1780 г. из отобранной у населения медной посуды. В дальнейшем ташкентцы отливали пушки из меди, ввезенной из России⁶. Бухарский эмир Насрулла (1827—1860 гг.) в борьбе с феодальной раздробленностью и в стремлении расширить границы своего государства уделял большое внимание укреплению своего войска. В его правление в Бухаре из пленных русских и персиян был составлен батальон сарбазов в 800 человек, остальные (немногим более 250 человек) были выделены в артиллерию (тупчи).

Батальон сарбазов был первым регулярным войском в Средней Азии, вооруженным огнестрельным оружием и живущим постоянно в казармах. Сарбазы и тупчи служили бессрочно. В мирное время они жили со своими семьями в слободке в отведенных им домах и занимались ремеслом и торговлей.

По сведениям русских пленных, в армии эмира Насруллы насчитывалось 50 орудий разного калибра, годных к употреблению и снабженных всем необходимым для похода; 32 из них находились в самой Бухаре, 10—в Ура-тюбе и др.⁷.

В Бухаре все работы по изготовлению орудий выполнялись вольнонаемными мастерами. Особых мастерских для литья пушек и артиллерийских снарядов не было. Литейные работы производились самаркандскими мастерами, которые славились своим искусством обработки металлических изделий. Государственных пороховых заводов не было, а имелось много частных пороховых мельниц в г. Карши и других местах. Основным материалом для литья пушек была медь. В верховьях реки Зеравшан, в горах Нурата, к северо-востоку от Бухары добывалась медная руда; свинец преимущественно привозился из Гузара.

В годы первых походов в Среднюю Азию царские войска были вооружены очень старыми пушками, некоторые из них были изготовлены еще в эпоху наполеоновских войн. В отдельных случаях среднеазиатские орудия были по дальности выше, чем пушки царской армии. При последовавших затем неоднократных перевооружениях орудия эти оставались в небольших гарнизонах для крепостной служ-

⁵ История Узбекской ССР, т. I, кн. II, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 22.

⁶ Там же, стр. 23.

⁷ Сборник статей по истории и философии народов Средней Азии, Труды АН Тадж. ССР, т. XVII, 1953, стр. 215.

бы. Сохранились и такие орудия, которые и отлиты на русских заводах, но, будучи захвачены узбеками, подвергались некоторым переделкам. Пушки имеют соответствующие надчеканки.

При завоевании Туркестана царские войска захватили военные трофеи, в том числе и орудия. Например, при взятии Ташкента в 1865 г. было захвачено 48 медных и 15 чугунных орудий, 2000 пудов пороха и др⁸. Большая часть среднеазиатских орудий после присоединения к России была перелита для разных целей, например на колокола для соборов и церквей⁹.

После создания Туркестанского музея (1876 г.) часть среднеазиатских орудий была передана Музею как исторические вещественные реликвии, а после Октябрьской революции все уцелевшие пушки были переданы в ведение Среднеазиатского комитета по охране памятников старины и искусства. В 20-е годы около двадцати пушек хранились во дворе Белого дома (ныне здание во дворе Совета Министров УзССР), где помещался главный Среднеазиатский музей. К сожалению, часть пушек была изъята из Музея во время кампаний по сбору лома цветных металлов в 1926—1933 гг¹⁰. Некоторые экспонаты были размещены по областным музеям.

В настоящее время в Музее истории Узбекской ССР хранятся 4 медные пушки: две у входа в Музей и две — в залах экспозиции феодального периода.

Пушка № 1, бухарская (рис. 1), находится слева у входа, литая, медная, фитильная, орнаментированная. Головная часть имеет изображение дракона с открытой пастью. Из пасти выходит дуло пушки. Длина пушки 230 см, диаметр ствола 20 см, вес пушки 1762 кг. Имя мастера и место литья неизвестны. На конечной части пушки на персидском языке написано шестистрочное стихотворение:

امیر لشکر رستم توان همت دنخیت
بعهد خوش چنین توب اثردها پیکیر
چکونه توب بجه کوشہ اش هزار شکوه
دهد بعرصه عالم صدای دفع ظفر

⁸ А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Ташкент, 1911, стр. 47.

⁹ Там же, стр. 315.

¹⁰ Архив Музея истории АН УзССР, папка 196; л. 5; ЦГА УзССР ф. Р-394, оп. 1, д. 229, л. 9.

هزار جوف بیاجوج طنیستان امستان
نمود صورت این آوب سد اسکندر

1128 хиджры (1713 г.)

(„По велению могущественного, как Рустам, отлита для своего назначения эта пушка с драконовой головой. Эта пушка в каждом месте земли вызывает тысячи разрушений. Эта пушка миру дает звук славной победы. Подобно этой пушке стена Македонского наводила тысячи страхов на яджужев, которые владели сверхъестественной силой талисмана“).

Рис. 1. Надпись на бухарской пушке.

Пушка № 2, кокандская (рис. 2), находится справа у входа, фитильная, орнаментирована, имеет мушку, лита из красной меди в Коканде от имени кокандского хана Малляхана в 1276 г. хиджры (1861 г.). Длина ствола равна 280 см, внутренний диаметр ствола — 18 см. Вес пушки — 1385 кг. Пушка имеет надпись на персидском языке: **توب حاصل کلان**

بهمادر ملّهخان سید محمد 1276 хиджры (1857 г.) („Это специальная большая пушка Саида Мухаммеда Беходур Малляхана“).

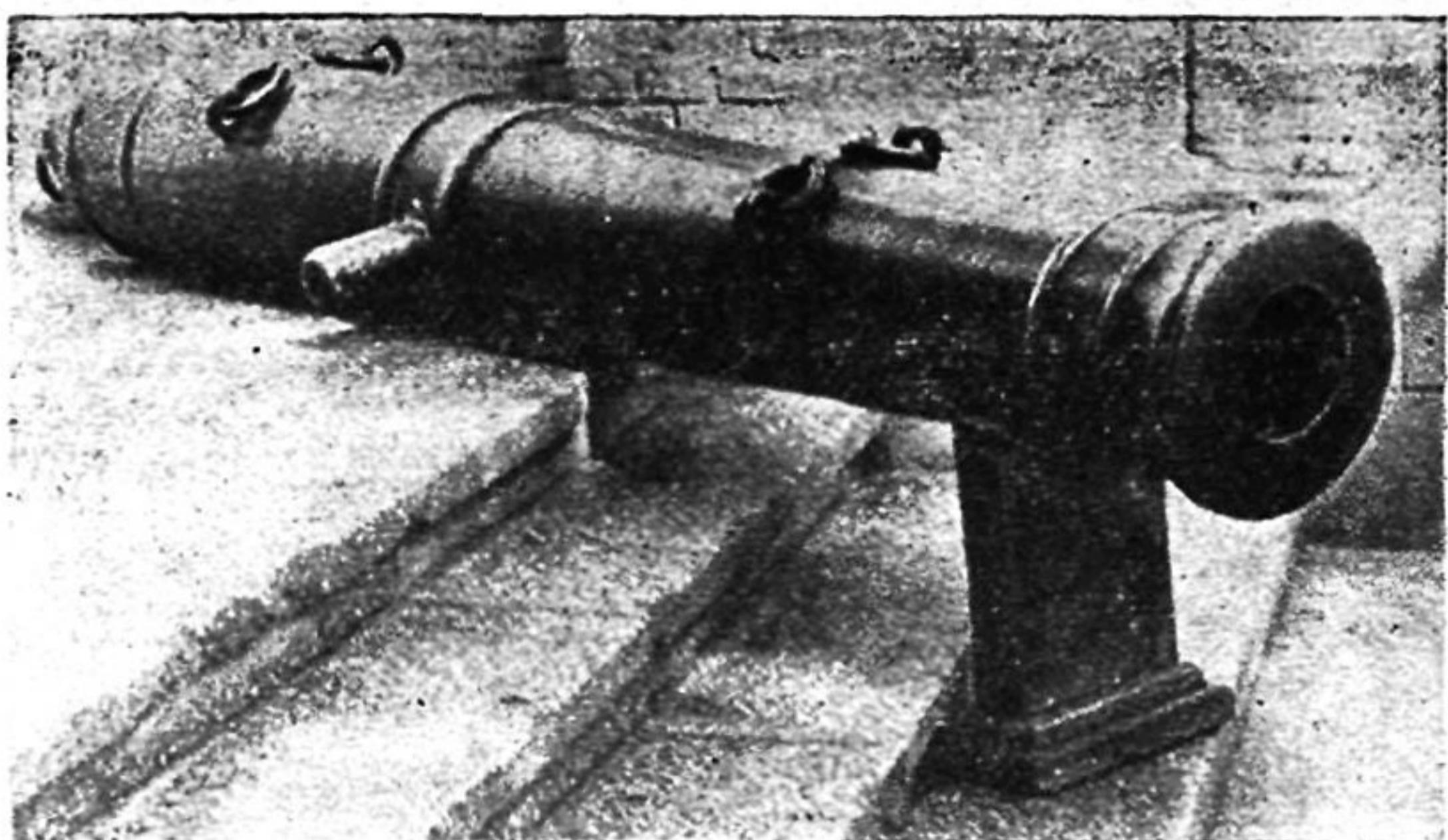

Рис. 2. Кокандская пушка.

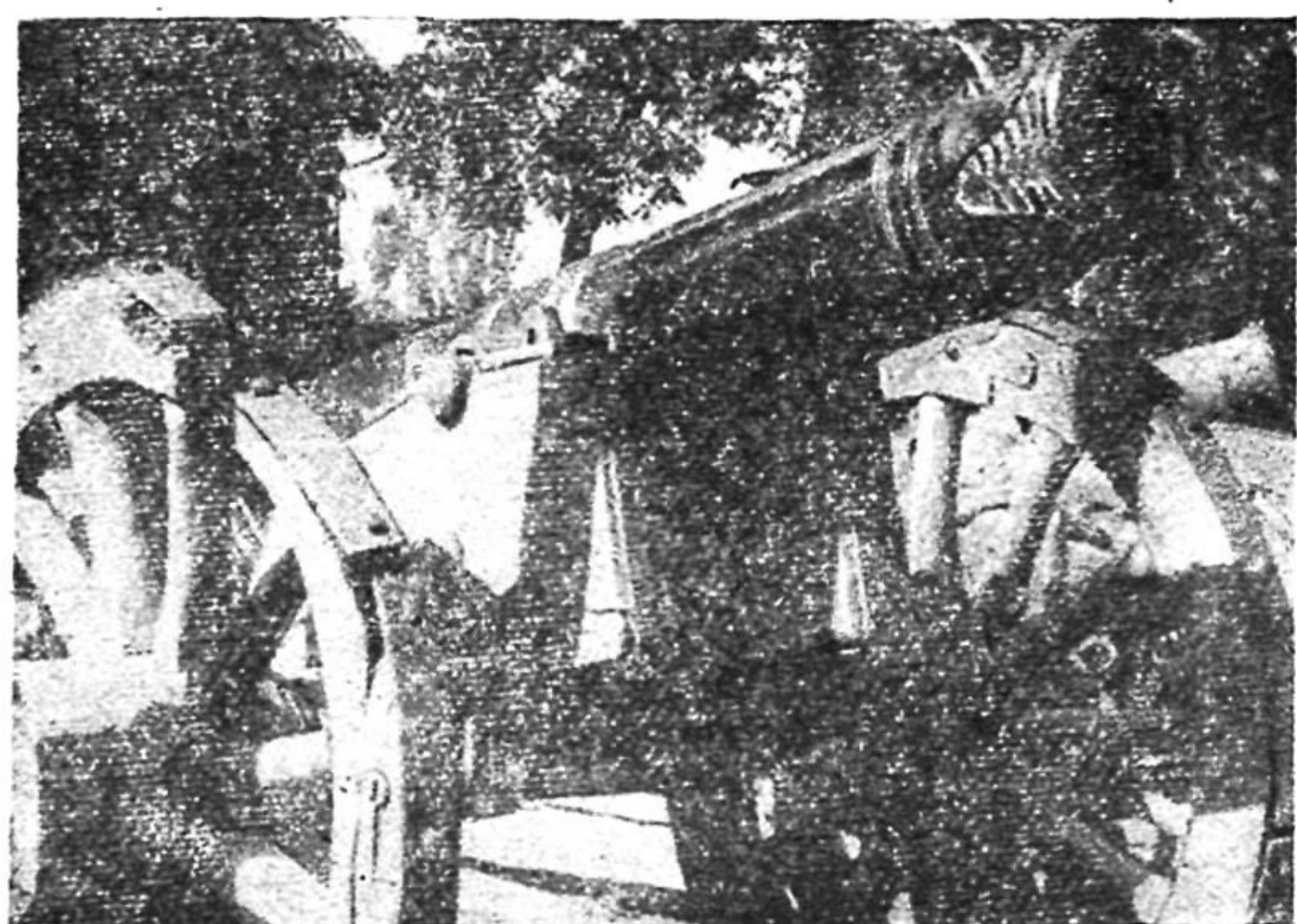

Рис. 3. Бухарская пушка на лафете

Ниже этой надписи следует другая, но меньшего размера, где указывается имя мастера **عمل استا پر نظر** („Работа мастера Пирназара“).

Пушка № 3, кокандская (рис. 3), находится в экспозиции феодального периода; с клиновым затвором, отлита из меди, дальнобойная. Имеет надпись на персидском языке:

دور امدادار صاحب سید محمد حدایار خان بهادر

(„Время помощи господина Саид Мухаммед Худояр-хана Бехадура“). Все эти пушки перевозились на лафетах.

ЖИЗНЬ

Иллюстрированный
журнал
литературы

№ 15

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

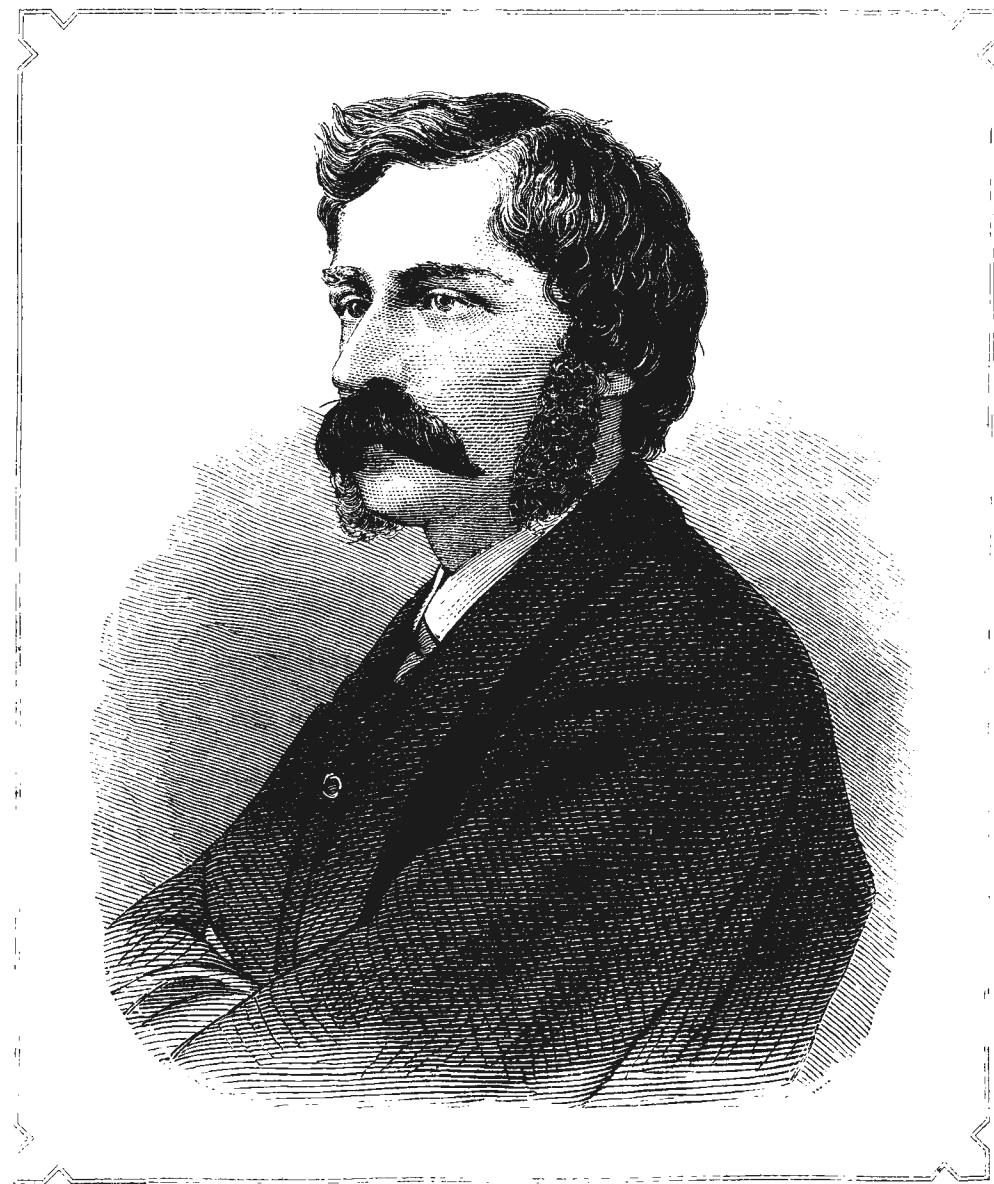
1874

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

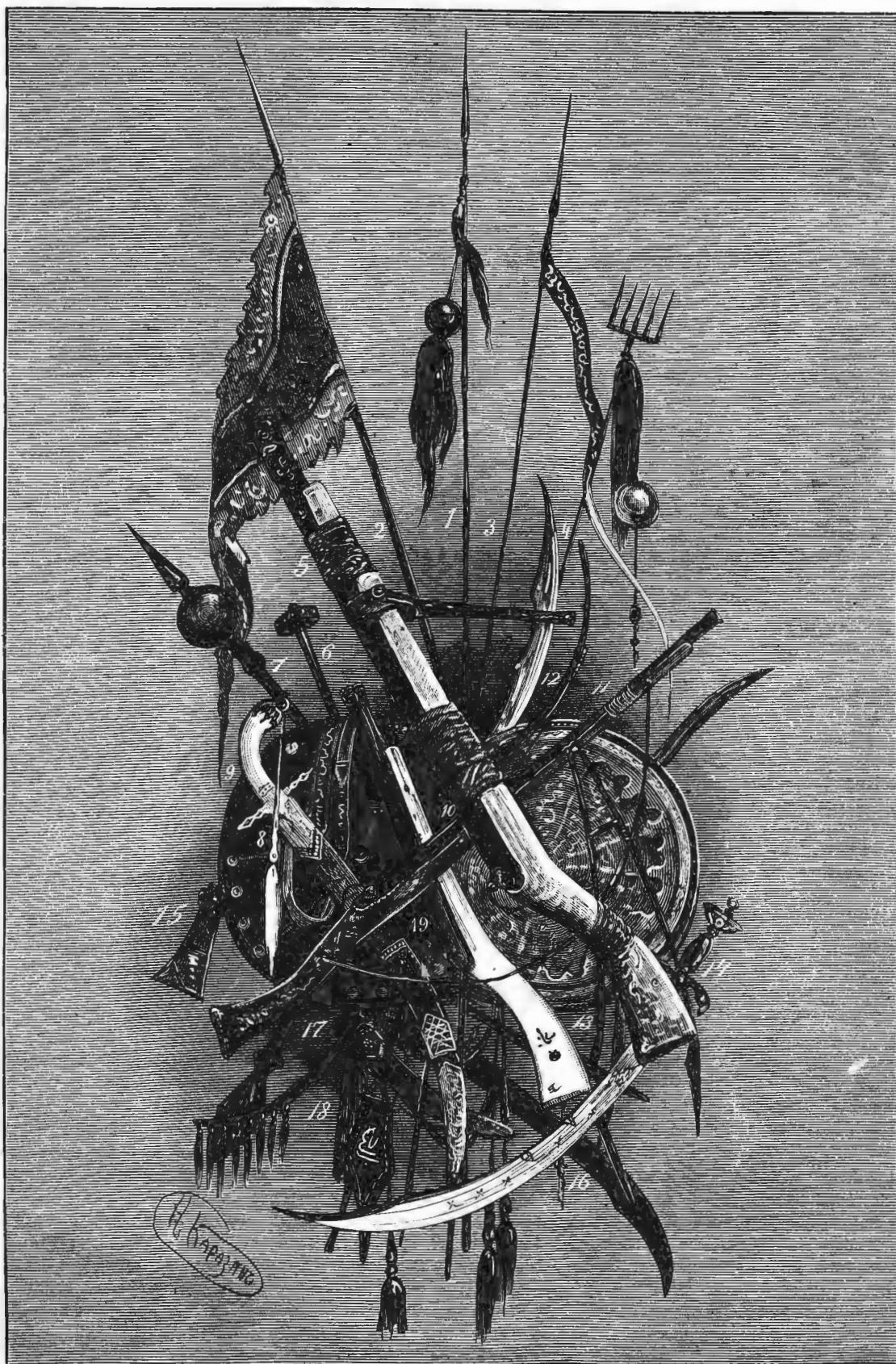
ПАРИЖСКАЯ МОДА.

Отдельные №№ „Жизни“ по 15 коп., съ пересыпкой 20 к.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРЪ ПРИЛОЖЕНЫ «ВЕСЕННЯЯ ПАРИЖСКАЯ МОДА» ЗА АПРѢЛЬ СЪ 11 РИСУНКАМИ.

Бретъ Гартъ. Грав. Пене.

Оружіе и доспѣхи нашихъ противниковъ въ Средней Азіи. Рис. Н. Каразинъ, грав. Бергъ

ОРУЖИЕ И ДОСПѢХИ НАШИХЪ ПРОТИВНИКОВЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Читая о боевыхъ подвигахъ нашихъ войскъ въ центральной Азии, о тѣхъ успѣхахъ, грандиозныхъ и блестательныхъ, которые дѣлаетъ наше оружіе, пролагая широкій путь къ благимъ началамъ цивилизаціи и проникая все глубже и глубже въ полудикія, невѣдомыя до сихъ поръ страны,—и, конечно, читая обо всемъ этомъ съ понятнымъ любопытствомъ и вниманіемъ, мы не можемъ не остановиться на иѣкоторыхъ странныхъ обстоятельствахъ, которая для непосвященныхъ кажется чѣмъ-то совершенно необъяснимымъ, почти вымысленнымъ.

Напримѣръ: мы читаемъ извѣстіе о какомъ нибудь сраженіи, гдѣ русскій отрядъ численностью въ 10 — 12 ротъ, т. е. около полуторы тысячи человѣкъ, наносить окончательное пораженіе тридцати тысячнымъ массамъ непріятеля. Недоумѣніе наше растетъ еще болѣе, когда мы узнаемъ, что потеря наша ограничивается какимъ нибудь десяткомъ жертвъ — непріятель же «усѣиваетъ степь своими тѣлами».

Что - же это такое?.. какой-же это непріятель?.. не бывали это совершенно безоружныя толпы дикарей?.. невольно приходятъ намъ на мысль такія предположенія. Но тутъ-же мы читаемъ и слѣдующее, окончательно уже сбивающее насъ съ толку:—мы узнаемъ, что у непріятеля этого было отнято не сколько десятковъ пушекъ и фальконетовъ, что непріятель этотъ, весьма дѣятельно поддерживалъ артиллерійскій и ружейный огонь — и прекратилъ его только тогда, когда обратился въ полное бѣгство, оставивъ въ нашихъ рукахъ и пушки свои, и обозы, и палатки, спасая свою жизнь, разсѣявшись во всѣ стороны, подъ вліяніемъ страшной, неотразимой паники.

Значить: есть что - то такое, дающее этотъ перевѣсъ нашимъ малочисленнымъ войскамъ, этимъ горстямъ героевъ, оторванныхъ отъ родины, отъ всего дорогого сердцу, заброшенныхъ въ самую глубь чужой стороны, этихъ безвѣстныхъ пionеровъ цивилизаціи.

Эта могучая сила состоить изъ двухъ элементовъ: первый — это дисциплина и строгое сознаніе долга; второй — полнѣшее превосходство оружія. Первое помогаетъ намъ бороться съ всѣми лишеніями и ужасами, которые на каждомъ шагу ставить намъ неогострѣмная дикая природа, — второе, помогая первому, родило Ташкентъ, Ирдакаръ, Ходжентъ, Джузакъ, Ура-тобе, Самаркандъ, Зарабулакъ и наконецъ Хиву — эти бессмертные боевые подвиги нашихъ «бѣлыхъ рубашекъ» *).

Не стану описывать нашего оружія, оно болѣе или менѣе извѣстно каждому; я ограничусь только подробнымъ очеркомъ средне-азіатскаго вооруженія и разберу по частямъ красивую арматуру, предложенную читателямъ на одной изъ страницъ нынѣшняго номера «Нивы». Тогда для каждого будетъ ясно многое то, что казалось ему темнымъ съ первого раза; тогда, вѣроятно, читатели будутъ съ большимъ довѣріемъ относиться къ реляціямъ и военнымъ донесеніямъ изъ Азіи, и воздержатся отъ двусмысленной улыбки и сомнительного ложманія плечъ.

1, 2, 3 и 4 значки начальниковъ и предводителей, бунчуки и пики на длинныхъ гибкихъ древкахъ, сдѣланныхъ или изъ цѣлаго молодаго дерева, или изъ китайскаго бамбука, или же изъ клинообразныхъ кусковъ, какъ обыкновенно приготавляются бильярдные кіи. Послѣдніе, впрочемъ, исключительно встрѣчаются только у знаменъ и значковъ, служащихъ признакомъ власти, — но не употребляются непосредственно какъ оружіе, по причинѣ своей хрупкости и недостаточной эластичности. Самая странная изъ нихъ — это туркменская камышевая пика съ волосяннымъ пучкомъ подъ своимъ короткимъ, тонкимъ, острымъ какъ ножка циркуля остріемъ. Эта пика въ рукахъ опытнаго ловкаго наѣздника неотразимое смертельное

оружіе — и потому нашъ солдатъ очень хорошо дѣлаетъ, не позволяя врагу воспользоваться своимъ оружіемъ и саживая его съ лошади пулево, едва только онъ подскакаетъ на приличное разстояніе.

Знамена рѣдко встрѣчаются съ четвероугольнымъ полотномъ, большую частью они дѣлаются въ видѣ вытянутаго треугольника красного цвѣта вышитаго красивымъ узоромъ изрѣченій изъ корана чернымъ и бѣльмъ шелками. Коймы знаменъ иногда выѣзываются зубцами, иногда обшиваются бахромой и кистями. У бунчуковъ часто подвѣшиваются металлическіе, пустые шары и конскіе хвосты, что придаетъ имъ необыкновенно своеобразный видъ (ф. 1 и 4).

Вилообразные, многоконечные бунчуки рѣдко встрѣчаются въ войскахъ, они должны служить боевыми эмблемами надъ могилами павшихъ богатырей (ф. 4).

Теперь перейдемъ къ саблямъ («клиничъ»).

Въ Средней Азіи вы чрезвычайно рѣдко встрѣчаете хорошо-закалленные клиники, рубящіе гвозди, стругающіе желѣзо и дѣлающіе тому подобные бесполезные подвиги, какими гордится перекаленное до нельзя знаменитое кавказское оружіе. Здѣшній батыръ считаетъ лучшимъ достоинствомъ клинка его остроту; оттачиваетъ его какъ бритву и, пользуясь мягкостью своего оружія, тотчасъ же съ помощью карманнаго оселка приводитъ свой клиничъ опять въ порядокъ, едва только онъ затупится о вражескую кость, едва только загнется его тонкое жало... что невозможно, покрайней мѣрѣ неудобно сдѣлать съ перекаленнымъ клинкомъ, по хрупкости послѣдняго.

Ф. 12. Клиночъ ятагана съ лукообразными выѣзами по синевѣ, тяжелый и весьма неудобный при вниманіи и вкладываніи обратно въ ножны; встрѣчается довольно рѣдко.

Ф. 9. Бухарская сабля, роскошное и дорогое оружіе. Красиво выгнутый эфесь, выточенный изъ слоновой кости, украшенъ на концѣ серебряною ажурною оковкою и длинною бѣлою кистью; бархатные ножны окованы золотомъ и серебромъ, отѣланы чеканеннымъ узоромъ, бирюзою и даже дорогими камнями. Цѣнность этихъ сабель доходитъ часто до весьма крупныхъ цифръ, и, понятно, дѣлаетъ ихъ принадлежностью весьма не многихъ избранныхъ. Подобная сабля была прислана бухарскимъ эміромъ генералу Абрамову, послѣ взятія имъ г. Корши, занятаго инсургентами.

Ф. 14. Авганская сабля, съ желѣзною ручкою, замѣчательна какъ по формѣ своего широкаго клинка, такъ и по своей необыкновенно изящной ручкѣ.

Ф. 15. Топорикъ (балта) (чеканъ) носится за поясомъ и, смотря по своей рукояткѣ, золотой, серебряной, или же просто обтянутой цвѣтнымъ бархатомъ, служить признакомъ сана и должности.

Ф. 17 и 18. Поясной ножъ (псякъ) съ рукояткою, совершенно уходящей въ ножны, и кошель для запасныхъ кремней и боеваго фитиля изъ зеленої кожи, вышитой золотою ниткою.

Самое оригинальное, допотопное оружіе — это разнообразныя булавы, какъ ихъ здѣсь называютъ батики (ф. 7 и 6), оружіе не смотря на всю свою дикость довольно внушильное въ рукопашной схваткѣ, — особенно ф. 6, представляющая довольно тяжелую чугунную шишику, насаженную на тонкомъ, гибкомъ хлыстѣ камышевомъ или буковомъ древкѣ. Эта шишика со свистомъ рѣжетъ воздухъ, описывая круги, — и горе тому тѣлу, которое подвернется подъ этотъ губительный розмахъ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ оружіе холодное, не представляющее никакихъ особыхъ преимуществъ передъ нашимъ холоднымъ же оружіемъ, — мы перейдемъ къ мултукамъ, фальконетамъ и пушкамъ, этимъ дѣятелямъ такъ - называемаго «огненнаго боя».

Ф. 5. Крѣпостное ружье, фальконетъ. Тяжелое, безобразное, неповоротливое оружіе совершенно ясно и понятно изображенное на нашемъ рисункѣ. Тяжелый чугунный стволъ, болѣе полутора дюйма въ діаметрѣ канала, привязанъ сырьятными ремнями къ такой — же неуклюжей тяжелой ложѣ. Стволъ этотъ тоже покрытъ неизбѣжными изрѣченіями изъ ко-

*) Акъ-кулмахъ — прозвище, которымъ туземцы окрестили нашего солдата по цвѣту его одежды.

рана и разнымъ узоромъ, заряжается большою пулею, обвернутой насаленной тряпкою,—заряжается очень неудобно, медленно, такъ что едва только каждыя десять минутъ можетъ дѣлать по одному выстрѣлу; къ нему приложена желѣзная подпорка, безъ которой немыслимо было бы ворочать его человѣческими руками; страшно отдастъ при каждомъ выстрѣльѣ и даже опрокидывается стрѣляющаго. Огонь сообщается заряду посредствомъ пропитаннаго селитрянныи растворомъ фитиля, одинъ конецъ котораго намотанъ на прикладъ, а другой защемленъ въ развилку проволочного крючка, изогнутаго въ видѣ буквы S и двигающагося на шарнерѣ; если потянуть за нижній конецъ этого крючка, верхній тотчасъ же клюнетъ къ отверстію заднаго конца ствола, насыпанное порохомъ и такимъ образомъ произойдетъ выстрѣль, предшествуемый, обыкновенно, сильною вспышкою изъ затравки, обжигающей брови и бороду полудикаго стрѣлка.

При большемъ углѣ возвышенія, нуляя летить довольно далеко и, благодаря своей неправильной формѣ, прорѣзывается воздухъ съ какимъ-то ревомъ и визгомъ, очень хорошо извѣстнымъ нашему солдату.

Ф. 11. Легкое ружье (мултукъ), съ подсошкою, заряжается такъ же какъ и первое и съ такимъ же фитильнымъ крючкомъ; это собственно оружіе пѣхотинцевъ но часто встрѣчается у конныхъ. Послѣдніе для каждого выстрѣла должны слѣзть съ лошади, и держа за поводъ робкое, напуганное выстрѣлами животное, садиться на землю, устанавливать подсошку и тогда уже стрѣлять,—понятное дѣло, надѣясь только на аллахъ и свою пушю, «которая должна же найти наконецъ виноватаго». Большею частью пули, вылетѣвшія изъ подобнаго оружія, оказываются несравненно гуманнѣе самихъ стрѣлковъ—и вопреки ихъ желанію летять съ жалобнымъ визгомъ совсѣмъ не туда, куда хотятъ эти послѣдніе.

Ф. 19. Короткій фитильный же карабинъ конныхъ воиновъ, безъ подсошки. Стрѣльба изъ этого оружія еще менѣе дѣйствительна, принимая во вниманіе, неспокойно стоящую лошадь, неловкость приклада и боязнь стрѣлка отдачи и затравочной вспышки, заставляющей его предварительно закрыть глаза и даже отвернуться въ сторону.

Кромѣ фитильнаго оружія, встрѣчается иногда и кремневое и даже ударное,—но это послѣднее, большою частью, испорченное до нельзя европейскіе оружіе, благодаря частымъ поправкамъ и передѣлкамъ неумѣлыхъ мастеровъ доведенное до полное негодности.

Такими ружьями вооружены регулярные пѣхотинцы бухарскаго эмира и другихъ средне-азіатскихъ владыкъ. Изъ цѣлыхъ кучъ подобнаго оружія, взятаго въ Самаркандѣ, невозможно было найти и одного экземпляра, хотя сколько нибудь могущаго исполнять свое прямое назначеніе.

Представителями классической древности служатъ щиты и даже наивный лукъ съ камышевыми стрѣлами, отваживающійся идти на состязаніе съ нашими штуцеромъ Бердана.

Впрочемъ, щиты эти совершенно утратили свое прямое назначеніе, а сохранились только какъ признаки власти и сана; они большою частью бываютъ кожаные — и украшены или тиснены золотымъ узоромъ или же металлическими, чешуеобразными бляхами и даже золотыми монетами.

Поставьте теперь противъ этого, описаннаго нами, оружія, какъ бы оно ни было многочисленно, нѣсколько десятковъ «берданокъ», стрѣляющихъ чуть не на версту и посылающихъ пули одна за другою—но тридцати штукъ въ минуту—и вѣмъ ясны будутъ результаты, кажущіеся съ первого взгляда невѣроятными.

Объ артилериі нашихъ противниковъ въ Средней Азіи, мы поговоримъ въ другой статьѣ; теперь же ограничимся только тѣмъ, что наши пушки и митрильзы составляютъ съ дѣйствительно многочисленными пушками непріятеля еще болѣе поразительный контрастъ чѣмъ ручное огнестрѣльное оружіе.

Тѣ знаменитыя пушки чудовища, которыя украшаютъ въ Москвѣ зданіе арсенала и грановитой палаты, даютъ уже нѣсколько понятія объ артилериі азіатскихъ воителей; а если и встрѣчаются, попавшія черезъ Авангистанъ въ Бухару, стѣрыя англійскія пушки, то они тоже, временемъ и неумѣніемъ обращаться, доведены до полнѣйшей негодности къ употребленію.

Н. Каразинъ.

Кострома,

(Окончаніе).

Сказавъ о памятникѣ стоящемъ на Костромской площади, стоять замѣтить о самой площади, какъ увидимъ едва-ли не единственной въ своемъ родѣ въ Россіи, свидѣтельствующей о счастливой сообразительности первоначальныхъ строителей города и пробуждающей нѣкоторымъ историческія воспоминанія. Занимая значительное пространство, отлично вымощенная камнемъ и ровная какъ листъ бумаги, костромская площадь съ одной стороны своей открыта къ р. Волгѣ, съ другихъ окаймлена лучшими въ городѣ зданіями, гостиными дворомъ, присутственными мѣстами, домами церкви Св. Благовѣщенія, домуомъ прежде бывшемъ генерала Борцова и теперь принадлежащемъ окружному суду (здѣсь останавливался Императоръ Николай I), домами двухъ владѣльцевъ Лопухина и Григорова и въ заключеніе красавица съ гаути-вахтою каланчою (послѣднее произведение бывшаго архитектора художника Фирсова). Уже по этой одной обстановкѣ площадь можетъ почитаться одною изъ красивѣшихъ. Но красота ея еще болѣе увеличивается по другому, слѣдующему обстоятельству. Въ то время какъ (извѣстно не намъ однѣмъ) площади въ другихъ городахъ находятся совсѣмъ не у мѣста, какъ напр. у сосѣда Ярославля, въ которомъ площадь неизвѣстно почему притянулась къ самому вѣзду въ городъ съ Костромской стороны, оставляя совсѣмъ позади себя весь городъ,—мѣсто для Костромской площади избрано въ самомъ центрѣ города, въ центрѣ, въ которомъ соединяются въ формѣ звѣзды всѣ безъ исключенія главныи улицы города, какъ-то: Мѣшанская или Московская, Царевская, Еленинская или Смоленская, Павловская, Марьинская, Благовѣщенская, Русина *) или Кинешемская, Нижне-Дебрицкая, Молочная. Говорятъ, что Императрица Екатерина II, во время извѣстнаго своего путешествія по Волгѣ въ гребной флотиліи, посѣтивъ Кострому любовалась городской площадью и выразила о ней одобрительной отзываѣ своимъ приближенными; а Императоръ Николай I, посѣтивъ Кострому въ 1839 г., слѣд. за долго еще до открытия Сусанинскаго памятника, Высочайше повелѣлъ именовать площадь Сусанинскою.

*) Название улицы Русиной свидѣтельствуетъ о ее давности: съ этимъ названіемъ существовала улица въ Великомъ Новгородѣ.

Если обиліе и благолѣпіе храмовъ въ извѣстной мѣстности можетъ свидѣтельствовать о набожности обитателей этой мѣстности, то Кострома имѣть свыше 35 церквей, включая сюда монастыри,—и всѣ церкви хорошо украшены. Первенство изъ нихъ принадлежитъ Богоявленскому монастырю, за нимъ слѣдуютъ: церковь во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, св. Покрова Божией Матери, св. Иліи Пророка, дѣцеркви Козмы и Даміана, св. Благовѣщенія и св. Михаила Архангела. Бѣдѣнѣшо изъ церквей считается св. Стефана Сурожскаго Чудотворца, которая расположена въ концѣ города по набережной, въ мѣстѣ, зимою заносимомъ снѣгомъ, а весною заливаемомъ водою, и большая часть прихожанъ которой, суть крестьяне близайшихъ къ городу деревень: Черной и сосѣднихъ разнаго названія.

Главною мѣстною святынею считается въ Костромѣ Федоровская чудотворная икона Богоматери, въ Успенскомъ Соборѣ.

Объ иконѣ этой сложилась священная повѣсть, относящая явленіе образа въ 1239 году нашего теперешняго лѣтосчисленія.

Былъ князь въ Костромѣ тогда, сынъ Юрия Всеvolодовича, Василій въ розваніемъ квашня. Вотъ онъ, на другой годъ послѣ нашествія лютыхъ полчищъ Батыя, когда слѣды разрушенія вѣздѣ были еще свѣжі, разъ отправившись на охоту, 16 августа, увидѣлъ на деревѣ образъ. Благочестивый князь сошелъ съ коня, приблизился къ дереву—и только хотѣлъ взять чудную находку, какъ она, невидимыми руками, приподнята выше. Взлѣзъ на дерево, князь не одинъ разъ приближался къ иконѣ, но она отъ рукъ все поднималась, постепенно. Чудо такое заставило религіознаго князя Василья отложить охоту, воротиться въ городъ, созвать духовенство и привести крестный ходъ къ мѣсту—гдѣ нашелъ онъ икону. Съ совершеніемъ здѣсь молебствія, икона далась въ руки священникамъ и торжественно перенесена въ городъ. Варягъ сказанія добавляетъ, что нѣсколько прежде находки князя какіе-то благочестивые костромичи видѣли по Мѣшанской (теперь Московской) улицѣ икону, несенную молодыми воинами, подобие котораго—какъ объясняли они—схоже съ изображеніемъ на иконѣ св. Феодора стратилата. И это будто бы сказаніе вѣдѣвшихъ—заставило внесенную въ городъ икону поставить въ построенной обѣдненной церкви, освященной во-имя великомученика